

РЕЦЕНЗИЯ

на научно-квалификационную работу Викентия Владимировича Чекушина
«Автомифотворчество А.Н. Толстого: семантика, прагматика, контекст»
Направление подготовки научно педагогических кадров 45.06.01
Специальность: 10.01.01 – Русская литература

Научно-квалификационная работа В.В. Чекушина посвящена важной и востребованной в современной научной повестке теме, актуальность которой самоочевидна и не нуждается в специальных комментариях. Жанр отзыва о научно-квалификационной работе предполагает два основных направления размышлений. Во-первых, это экспертная оценка теоретической, методологической и аналитической составляющих исследования в контексте современной научной парадигмы. Во-вторых, это формулирование рекомендаций, связанных с возможными направлениями доработки текста в перспективе дальнейшего представления ее в диссертационный совет. Что касается первого, то диссертация В.В. Чекушина является бесспорным и оригинальным научным трудом, написанным на интересную, многообещающую тему и опирающимся на современную научную литературу самого высокого сорта. Что касается второго, то, конечно, как любое яркое исследование, в основе которого лежит новая научная концепция, диссертация вызывает соразмышления и вопросы. В связи с тем, что высокий качественный уровень работы не вызывает сомнений, перейдем сразу к рекомендациям.

Ключевой тезис работы связан с категорией автомифотворчества, наилучшим образом, как видится автору, воплотившейся в позиции и поведении А.Н. Толстого и противопоставленной модернистскому житнетворчеству. Не вызывает сомнений ни трактовка понятия автомифотворчества, ни целесообразность его применения к фигуре многоликого и предприимчивого А.Н. Толстого.

В первой главе диссертант периодически обращается к произведениям, главным образом, связанным с мифом о литературном «первопредке» И.С. Тургеневе. Однако в параграфах этой главы ощущается недостаточность как цитат из тургеневских текстов, так и реконструкции тургеневского слоя поэтики. Причем сам А.Н. Толстой, как мы знаем, испытывал опасения по поводу того, что в издательст-

вах его ранние сочинения примут за плагиат тургеневских произведений. Поэтому глава может быть значительно усилена выборкой репрезентативных примеров и, собственно, анализом того, как именно (помимо антропонимических аллюзий) данная поведенческая модель повлияла на художественные тексты писателя.

Наиболее уязвимой с точки зрения привлечения материала выглядит являющаяся композиционным и смысловым центром работы вторая глава, в которой исследуется наиболее напряженный и, по сути, переломный период в биографии и творчестве писателя: с 1917 по 1923 годы. В ней диссертант не только практически не привлекает, но порой даже не называет произведения писателя этого времени. В.В. Чекушин тонко разбирает игровую стратегию между «графом» и «гражданином» в самопрезентации Толстого, но, по сути, мало изучает, как эти стратегии отразились в его творчестве. Хотя представляется, что наряду с написанными в этот период произведениями не менее важно проанализировать и переписанные тексты предшествующего времени. Так, ключевая для раннего автобиографического творчества повесть «Заволжье» в 1922 году была переработана писателем и опубликована в берлинском издательстве в 1923 году. Думается, что осмысление литературного репертуара А.Н. Толстого 1917 – 1923 годов и детализированная текстология «Заволжья» могли бы существенно уточнить стратегию самопрезентации автора в этот период, а также укрепить позиции диссертанта.

Модель литературной борьбы Толстого и Бунина, которой посвящен параграф 2.2. «“Граф” vs “академик”»: литературная борьба Толстого с И.А. Буниным в эмиграции», на наш взгляд, нуждается в целом ряде уточнений. Во-первых, данный раздел диссертации не опирается на достаточный эмпирический материал: тексты самого А.Н. Толстого, которые бы аргументировали позицию диссертанта. Иными словами: Бунин писал о Толстом много – и понятно почему: даже своей фамилией «советский граф» сигнализировал нобелевскому лауреату о «том», «истинном» и архетипическом, Толстом, Льве Николаевиче. Напротив того, Алексей Толстой писал о Буине мало. Как следствие, источники, необходимые для реконструкции борьбы как процесса двунаправленного, оказываются неравноценными и неравнозначными. Заявленная модель «граф vs академик» выстраивается, подкрепляясь, с

одной стороны, только фрагментом из дневника В.Н. Муромцевой-Буниной с репликой А.Н. Толстого, а с другой – ссылками на программную статью Бунина, написанную после смерти «Алешки». В этом отношении действительно весьма интересна запись, сделанная К.И. Чуковским со слов А.Н. Толстого, однако, в этом сюжете полностью отсутствует вынесенная в заголовок параграфа антитеза «граф – академик». И несмотря на то, что сюжет о том, что Бунин якобы явился в издательство и по-французски ругал А.Н. Толстого, последний, по всей вероятности, сам и сочинил, как и множество других аналогичных анекдотов, в нём концентрируется иной лейтмотив полемики: Алексей Николаевич – не Лев Толстой. Как мы помним, впоследствии именно эта мысль окажется основой бунинской статьи «Третий Толстой». Ссора в Париже 26 апреля 1921 г. не была публичной в том смысле, в каком можно говорить о полемике писателей в связи с «Двенадцатью» Блока. При всей рессентиментности реплики Толстого, важно понимать, что она была частью ссоры с издателем Полнером из-за невыплаченного аванса, а тема денег, как мы знаем, для Толстого была одной из ключевых. Нельзя не согласиться с диссертантом в том, что А.Н. Толстой, безусловно, знал, как уязвить подвернувшегося под горячую руку Бунина, но говорить о том, что на этой антитезе строятся многолетние стратегии взаимоотношений писателей, было бы явным преувеличением. Думается, литературная борьба между ними в это время имплицитно велась, но была по своему внутреннему содержанию тоньше и сложнее.

Таким образом, вероятно, в силу обаяния исследуемого материала и личности А.Н. Толстого диссертант, как нам кажется, несколько преувеличил его роль в житетворческом сценарии Бунина. Как показывают последние исследования, главным литературным соперником писателя в эмиграции был В. Набоков, что подтверждается текстологией «Темных аллей», написанных, не в последнюю очередь как ответ на «Весну в Фиальте» (см. работы М. Шраера на эту тему. Здесь мы опустим неисчерпаемую тему иных источников «Темных аллей»). Потому, думается, что в «Третьем Толстом» тема самозванчества требует немного других акцентов. Бунин полемизирует в статье не только с покойным А.Н. Толстым, но со всем поглотившим последнего советским контекстом, персонифицированным в очерке

фигурой Молотова, который в своей речи описал советскую литературу, используя клише классики XIX в., где функциональную позицию одного «великого писателя земли русской» графа Толстого занял другой граф Толстой. «Алешка» сменяет старого Толстого точно так же, как Молотов – Тургенева-автора этой фразы.

Наконец, третья глава о советском периоде в автобиографическом творчестве А.Н. Толстого является в контексте этой работы абсолютным эталоном. В ней поведенческие модели исследуются на широком фоне литературной деятельности прозаика и позволяют выявить неочевидные смыслы произведений, относящихся к этому времени. Особенно удачен анализ романа «Петр I». В связи с этим позволим себе несколько сонаблюдений. На наш взгляд, дискуссия о народном языке, которую инициирует в это время А.Н. Толстой, может быть проанализирована в контексте «языка насилия», одним из создателей которого, как мы теперь понимаем, и явился писатель. Тезис о том, что фактом настоящего народного языка, по мнению А.Н. Толстого, являются пыточные протоколы XVII века, является явной исторической аналогией происходящего в советской реальности этого времени. Если развивать эту аналогию далее, то сам А.Н. Толстой в этом случае функционально занимает место протоколиста, фиксирующего речь жертв сталинской эпохи. Ещё одно наблюдение диссертанта об органицистских метафорах в советском дискурсе и языке самого А.Н. Толстого тоже может быть перенесено на одну из ключевых советских дискуссий. По наблюдению Б. Гаспарова, повсеместные органицистские аналогии в советском проекте имели отчетливые социально-политические подтексты. Антитеза «происхождение – среда» одинаково успешно проецировалась как на виды животных и растений, так и на социум. В этом смысле сам А.Н. Толстой постоянно балансировал между этими двумя научными взглядами (*граф* или *гражданин?*), а «эволюция» его автобиографического творчества на данном языке описания выглядит как движение от генетики (потомок Тургенева) к среде (А.Н. Толстой как «советский Пушкин»).

Вопросы к диссертанту.

1. Кого Вы можете назвать в качестве литературных предшественников А.Н. Толстого, для которых была бы характерна именно установка на автобио-

творчество, а не житнетворчество? Можно ли назвать в этом качестве В.Я. Брюсова и дать в диссертации ряд репрезентативных примеров автомифтворчества рубежа веков и/или ранее? «Религиозным» символистом Брюсов не был, а его жизненный путь отличался намеренно выпяченным рациональным цинизмом (см. работы от Вл. Ходасевича до Н.А. Богомолова).

2. Как можно сформулировать позиционирование А.Н. Толстого по отношению к Л.Н. Толстому, и почему этот, в общем-то ключевой сюжет – «А.Н. Толстой как Л.Н. Толстой», остался в диссертации за скобками? Очевидно, что данная пара формулируется не только ключевыми идеологами эмиграции и советского проекта, соответственно – Буниным и Молотовым, но и периодически воспроизводится в многочисленных литературных анекдотах. Например, у Р.Б. Гуля: «“Ваша фамилия?” – “Толстой”. – Чин внимательно посмотрел на Толстого. – “Национальность?” – “Русский”. – “Профессия?” – “Писатель”. И вдруг чин откладывает перо, встает и, пораженный, любезно улыбаясь, спрашивает: “Так это вы написали роман “Война и мир”?” – “Я!” – отвечает Толстой. – “Как я рад! Как я рад! – пожимает руку Толстого оказавшийся любителем литературы полицейский. – У меня есть все ваши произведения”. “Очень рад, очень рад”, – отвечает Толстой».

Подводя итоги, подчеркнем, что все высказанные в отзыве замечания не могут поставить под сомнение высокий уровень научно-квалификационной работы В.В. Чекушина.

8 декабря 2020 г.

Анисимова Евгения Евгеньевна,
доктор филологических наук,
10.01.01 – русская литература, доцент, профессор
кафедры журналистики и литературоведения,
Института филологии и языковой коммуникации
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего
образования «Сибирский федеральный
университет», 660041, г. Красноярск,
проспект Свободный, 79, <http://www.sfu-kras.ru>
(391) 206-26-88, zhurlit@mail.ru

